

9 книг к 9 Мая

ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА

О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ЮРИИ
КОРЧЕВСКИЙ

СПЕЦНАЗ
ВСЕГДА
СПЕЦНАЗ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Александра Соловьева*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Спецназ всегда Спецназ / Юрий Корчевский. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 640 с.

ISBN 978-5-04-101571-8

Спецназ всегда Спецназ – и в XXI веке, и в 1941 году. Попав на Великую Отечественную, Александр Терёхин «вспоминает молодость» и былую службу в Спецназе ГРУ, принимает бой против Вермахта и объявляет оккупантам диверсионную войну, Саша становится настоящим виртуозом минно-взрывного дела и асом диверсионной войны. Он пускает под откос вражеские эшелоны и сносит стратегические мосты, жжет танки и бронепоезда, взрывает склады боеприпасов и немецкие штабы. Он один стоит целого разведбата. Он наносит Вермахту такие потери, что гитлеровцы бросают против диверсанта из будущего элитную ягд-команду с приказом: уничтожить «сталинского дьявола» любой ценой!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101571-8

© Корчевский Ю.Г., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

СПЕЦНАЗ
ВСЕГДА СПЕЦНАЗ
ПРОРЫВ ДИВЕРСАНТА

Глава 1

ШОК

арень не понравился Александру сразу. Черная куртка, черная вязаная шапочка на голове, глаза карие, и зрачки расширены, как у наркоманов. В руке сумка китайская, какие раньше челноки таскали. Однако в принципе — что с того, понравился парень ему или нет? Кого только в аэропорту не встретишь — от кавказцев до причудливо одетых индийцев. И что с того? Может, я им тоже не нравлюсь своей славянской внешностью. Однако какое-то смутное беспокойство, легкая тревога в душе поселились.

Александр посмотрел на часы. Уже скоро. Сейчас 16-20, самолет из Екатеринбурга должен приземлиться через пять минут.

И почти сразу по громкой связи диктор объявила: «Совершил посадку самолет «Ту-154» рейсом 268 из Екатеринбурга. Просим встречающих...»

Дальше Александр уже не слушал, начал не спеша продвигаться в зал прилета. А чего спешить? Пока трап подадут, пока пассажиры выйдут, счастливые оттого, что перелет позади и они на земле, да пока багаж получат. Если у Антона сумка небольшая, так появится быстро.

Антон — его старший, еще с армии — друг. Вместе ляжку в учебке тянули, где, собственно, и познакомились.

Потом двухгодичная служба сержантом в 22-й бригаде спецназа ГРУ в Батайске. Если кто не знает, ГРУ — это Главное разведывательное управление Генштаба. Создано оно было для ведения разведки и уничтожения мобильных ядерных средств противника в его глубоком тылу, а также проведения диверсий и организации партизанского движения. Разумеется, в случае войны.

Поначалу без привычки служить было тяжело. И не из-за дедовщины пресловутой, а из-за физических перегрузок. Попробуй выполнить учебную задачу, пройдя перед этим марш-бросок километров на сорок с полной выкладкой да скрытно, за чем рьяно следили офицеры-посредники. Обнаружили себя, считай — задание провалили. Потому передвигались больше по звериным тропам, да еще так, чтобы веточку какую случайно не сломать, травку не помять. При этом шли строго след в след, и не столько из-за примятой травы, сколько из-за того, что если первый мину не усмотрит, подорвутся не все. Да и следов меньше остается. Поди разбери, один человек прошел или несколько.

Антон был парнем физически крепким, выручал Александра. То скатку его заберет — пусть и ненадолго, то разгрузку. Но и Антону с Александром интересно было: тот знал уйму разных историй и помогал сочинять письма любимой девушке Антона. Молчун был Антон: «да» и «нет» — и весь разговор. И писал коряво — буквы неровные, как пьяные. Уж сколько лет после армии прошло... Александр прикинул: «Так, сейчас мне тридцать шесть, демобилизовался я в двадцать. Выходит, дружбе нашей уже восемнадцать лет».

Встречаются они иногда, раз в два-три года. По этому поводу Александр отгулы берет, знакомит Антошку со столицей. Много в Москве интересных мест, все сразу и не покажешь. Вот Исторический музей недавно открылся — после затяжного ремонта, да Антон просил сводить

его в Сокольники, в музей восковых фигур. А уж вечером — непременно водочки, да чтобы из морозилки была, лилась тягуче, а бутылка чтобы морозцем по стеклу подернута. И закуска: чтобы обязательно огурчики домашней солки, что Александр брал на Дорогомиловском рынке, да грибочки маринованные, лучше грузди, да под черный хлебушек. Вкуснотища! А потом — картошечку, жаренную с салцем. Сало Саша покупал на Киевском вокзале, у приезжих украинцев. Надо же! Раньше самостийные братья-славяне кричали на каждом углу — дескать, объели их москвичи! А теперь сало свое сами в Москву везут, добровольно. Чудны дела Твои, Господи!

В предвкушении встречи с другом и последующего застолья Саша потерял руки. На глаза снова попался давешний кавказец в черном. Тьфу, чтоб тебе! Как черный ворон! Александр вытянул шею, пытаясь через головы встречающих увидеть Антона.

Сзади кто-то дернул за руку.

— Земляк, едем в Москву! Недорого, всего три штуки, — предложил нагловатый таксист, крутя на пальце связку автомобильных ключей.

Ответить Александр не успел. За спиной таксиста сверкнула яркая вспышка, в уши ударил тяжкий грохот. Со звоном посыпались стекла, раздались крики ужаса. «Кавказец!» — мелькнуло в затухающем сознании, и Александр отключился.

Как ему показалось, в себя он пришел довольно быстро. Вот только непонятно было, где он и почему так светло.

Саша поднял голову и изумился: он лежал на берегу маленькой речки и, что удивительно, было лето. Журчала вода, трава зеленела и одуряюще пахла, над ней летали шмели. Было тепло, даже жарко.

Что за черт! Александр хорошо помнил взрыв в аэропорту и то, как его прикрыл от осколков таксист, при-

нявший на себя порцию смертоносного металла. Но ведь тогда был январь, холодно.

Александр поднялся, сел и оглядел себя. Вся левая сторона куртки была посечена, в прорехах белел синтетический наполнитель. Сняв куртку, он критически ее осмотрел. Ну и досталось ей! Пожалуй, бомжи носят лучше. А ведь почти новая.

Александр пошарил по карманам, забрал сотовый телефон и ключи от квартиры, куртку же оставил на берегу. Он нахмурил лоб, соображая, что произошло. По идее, он должен сейчас быть в аэропорту Домодедово и лежать на бетонном полу, а не на берегу речки.

И что еще удивляло — почему лето? И как он сюда попал? Ушел в шоке после взрыва? Могло такое быть. Но лето? Не полгода же он сюда шел?

Для начала надо позвонить Антону — он ведь его встречал.

Достав телефон, Александр набрал привычный номер. Но телефон показывал «поиск сети» и на вызовы абонентов не реагировал. Ладно, с этим позже можно разобраться. А сейчас надо выйти к людям, узнать — где он.

Александр стал внимательно осматривать окружающую местность. Вдали, едва различимые на фоне леса, стояли несколько домов. Туда он и направился. Шел быстро, дышал размеренно, как и учили в спецназе.

Вот и дома. Александр испытал легкое разочарование: к бревенчатым избам вели деревянные столбы с электрическими проводами, а телефонного видно не было. А он так надеялся позвонить!

Александр постучался в дверь бревенчатого дома.

На стук вышла вполне ничего себе девушка лет восемнадцати, как раз во вкусе Александра: не худая, не толстая, есть на чем глаз остановить.

Саша спросил:

— Девушка, я заблудился немного, не подскажете — что это за деревня?

— Так Богдановка же!

Минуту Александр переваривал услышанное. Что-то он не припомнит такое название населенного пункта близ Москвы либо в Подмосковье, хотя коренной москвич. А впрочем, чего удивляться? После армии он устроился в метро, закончил курсы, работал помощником машиниста, потом — машинистом и больше времени проводил под землей, чем на ней. А за город выбирался всего несколько раз с друзьями на дачу: шашлыки пожарить, пива попить.

— Не соображу что-то, где это — вы уж меня простите, пожалуйста... А район какой?

— Пинский.

— Вы хотите сказать, что я в Белоруссии?

— Да, именно так.

Похоже, девица не шутила, да и говор у нее странный — не акающий, как у москвичей.

Первое, что пришло ему на ум — Пинские болота. Откуда, из каких уголков памяти он вытащил эту ассоциацию?

— И болота у вас здесь есть? — уточнил он.

— Полно вокруг, — первый раз за все время разговора улыбнулась девушка, — но не только болота. Речки еще есть, озера.

— А какое сегодня число?

— Первое июля, десятый день войны, — снова посерьезнела девушка, не спуская с незнакомого парня ставшего вдруг подозрительным взглядом.

Наверное, его после взрыва все-таки контузило. Девушка о войне говорит, он сам понять не может, куда его занесло.

— Месяц, год какой вы говорите? — переспросил изумленный Александр.

Тут уж девушка удивилась:

— Я и говорю — первое июля тысяча девятьсот сорок первого года.

— Правда?!

Внезапно Александр услышал странный незнакомый гул, идущий откуда-то сверху. Гул был натужным, и ничего хорошего живущим на земле не обещал. Он предупреждал: «Везу-у, везу-у-у...»

Александр поднял голову и увидел идущие ровным строем звенья тяжелогруженных самолетов, по-видимому, бомбардировщиков, сопровождаемых юркими истребителями.

Олеся проследила за его взглядом и тоже увидела самолеты:

— Опять летят!

— Кто «летят»?

— Да самолеты ж фашистские! Города русские бомбить полетели! А наших самолетов что-то не видно! Кто же остановит эту черную силу? — с горечью в голосе проговорила она.

И это заставило Александра поверить в страшную, неправдоподобную, но реальность. Шок и столбняк! Так сильно его никто в жизни не удивлял.

— Вы не контужены, товарищ? — участливо поинтересовалась девушка.

— Был взрыв, куртку посекло, а на мне — ни царапинки, — честно ответил он.

— А, понятно! Вот вы все и забыли. Сами-то откуда будете?

— Из Москвы.

— Из самой столицы? И Сталина видели?

— Нет, только на фотографиях.

— Да что же мы в дверях стоим, вы же, наверное, есть хотите? Проходите в избу!

Александр прошел в комнату. Обстановка бедноватая: кровать с панцирной сеткой и никелированными

пишечками, домашний коврик на полу, и уж совсем древний круглый репродуктор в углу.

Вошла девушка, неся крынку молока и каравай хлеба.

— Вы уж извиняйте, товарищ москвич, разносолов у меня нет — чем богата...

Она налила в кружку молока, отрезала ломоть хлеба.

Особо есть Александр не хотел, но, учитывая обстоятельства, решил подхарчиться — еще неизвестно, когда придется поесть в следующий раз.

Молоко оказалось очень вкусным: густым, с толстым слоем сливок вверху, да и хлеб отличный — с хрустящей корочкой.

Александр выпил всю крынку, умял половину каравая; смахнув крошки со стола в ладонь, закинул в рот.

— А что сейчас в мире творится, где фронт?

— Отступают наши, по всем фронтам отступают. Говорят — немцы Борисов взяли и Бобруйск.

— Это далеко отсюда?

— Двести километров в сторону Москвы. Мы в немецком тылу уже.

— Немцы здесь были?

— Чего им тут, в болотах, делать? Они по дорогам прут. Я их не видела даже.

— Даст бог — и не увидишь.

— Я комсомолка и в Бога не верю.

— А зря! Только в него и можно верить, остальные врут.

Девушка обиженно поджала губы.

— Ну а власть у вас в районе какая-нибудь есть?

— Не знаю. Отца в армию неделю назад забрали, про Пинск не слышала ничего.

Александр сидел в полной растерянности. Ладно бы контузия была, а то ведь — сорок первый год! А может, девушка ненормальная, а он ей поверил...

— Радио работает?

— Нет, конечно, — вздохнула девушка.

Надо зайти к соседям, у них узнать.

Александр встал, поблагодарил девушку за угощение.

— Как тебя звать, красавица?

Щеки девушки вспыхнули румянцем — так в деревне ее никто не называл.

— Олеся.

— В деревне живет еще кто-нибудь?

— Одни старики и старухи остались. Из молодежи до войны одна я была. А мужиков в армию призвали. Вы-то почему не в армии? Или больной?

— Ага, больной, — отшутился Саша.

— А с виду — так и не скажешь, — покачала головой Олеся.

— Подскажи-ка, Олеся, в какую сторону шоссе?

— А вам какое? Если на север, то будет Минское, до него часа три пешком. Если на юг, так Пинское будет, до него поближе — часа два идти. И железная дорога там же.

Александр снова уселся и задумался. Если все услышанное от девушки — правда, то надо обдумать ситуацию. Идти к своим, прорываясь через линию фронта? Далековато, а главное — если и выйдет, так документов нет, назвать адрес и место работы не может. Ведь НКВД проверять будет, а в отделе кадров метрополитена гражданин Дементьев Александр, тридцати шести лет, москвич, не судимый, беспартийный — не значится. Стало быть — шпион! И по законам военного времени его — к стенке! Александр передернул плечами, представив такую перспективу.

Еще вариант — отсидеться здесь, в этой Богдановке. Но рано или поздно сюда заявятся немцы. Кто такой? Почему здорового мужика в армию не взяли? А может — партизанить оставили? Перспектива незавидная.

А впрочем... Его в мирное время готовили к разведывательно-диверсионной деятельности во вра-

жеских тылах — на случай войны. Сейчас война, и тыл самый что ни на есть вражеский. Он хоть и не призван, но, попав в непредвиденную ситуацию, должен действовать по совести, по велению души и в соответствии с его представлением о воинской чести. Враг топчет его землю, убивает его соотечественников — значит, и поступать ему надо соответственно.

Правда, спецназ действует по заданию разведупра. Рейды короткие: выброска в тыл врага, проведение акций и возвращение к своим. Сейчас же у него рации нет, начальства и задания нет — даже оружия нет. Но это еще не повод сидеть сложа руки. И Богдановка эта как база хороша. Местность глухая, лесистая, с болотами, по обеим сторонам в отдалении — шоссейная и железная дороги. Тяжелая техника здесь не пройдет, а самому спрятаться можно запросто. Вот только загвоздка остается — как легализоваться. Он сейчас не в рейде, сколько времени пробудет — неизвестно, надо же где-то есть, мыться, в конце концов, чтобы не отличаться от людей.

Александр посмотрел на Олесю, спокойно занимавшуюся домашними делами.

— Вот что, Олеся. Можно я у тебя какое-то время поквартирую? Только вот платить мне нечем, могу лишь натуральной оплатой: забор там поправить, травы для коровы накосить, дров наколоть. Мужик-то в хозяйстве всегда надобен.

На некоторое время повисла тишина. Было видно, что девушка удивлена. Она думала — беженец, да еще без памяти, контуженый, а он пожить просится. На бандита вроде не похож, хотя сама она их никогда не видела. Места в избе хватает, но... деревенским только повод дай для пересудов.

— Ну хорошо, — неуверенно ответила Олеся. — Однако спать вы будете не в избе, а на сеновале, на заднем дворе. И чур только — не курить.